

Как видно из примеров, функции коллективной речи в эпической поэме весьма разнообразны. Вместе с тем можно указать на некоторые функциональные ограничения эпического хора: хор не задает информативных вопросов, не содержит обращений к адресатам текста, не антиципирует развитие сюжета. Участники коллективной речи ситуативно мотивированы и включены в развитие сю-

жета либо в качестве непосредственно действующих лиц (послы, члены совета), либо на положении присутствующей при действии и наблюдающей за ним толпы. В отличие от хора античной театральной традиции (Тройский 1946: 117, 136, 154), коллективная речь эпоса не превращается в обособленное от действия лирическое сопровождение, она прочно вплетена в ткань повествования.

R. de C. - Raoul de Cambrai. Paris, 1882.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Aspr. - La Chanson d'Aspremont. Paris, 1923.

A. de N. - Aymeri de Narbonne. Paris, 1887.

Ch. G. - La Chanson de Guillaume. // J. Wathelet-Willem. Recherches sur la Chanson de Guillaume. Etudes accompagnées d'une édition. Paris, 1975 vol 2.

Ch. de N. - Li Charrois de Nymes. La Haye, 1854.

Ch. de Roi. - La Chanson de Roland. Bucuresti 1974.

Cor.L. - Li coronemenz Looïs. // Le couronnement de Louis. Paris, 1888.

Pr. d-Or. - La prise d'Orange. La Haye, 1854.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гегель Г.В.Фр. Эстетика. - Т.1, М., 1968.

Курьянова Л.А. Приемы авторской оценки персонажа в старофранцузской эпической поэме “Рауль де Камбрэ” (роль социально фактора а выборе языковых средств). // Вестник ЛГУ. Сер. 2. - вып. I. - 1987.

Тройский И.М. История античной литературы. Л., 1946.

Micha A. De la chanson de geste au roman. Etudes de littérature médiévale. // Publications romanes et françaises. V. CXXXIX, Genève, 1976.

Ю.А. Сорокин

КОММЕНТАРИИ К ТРЕМ СТАТЬЯМ В.И.АБАЕВА

1. Эти статьи, а именно “Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка”, “Язык как идеология и язык как техника” и “Понятие идеосемантики” (Абаев, 1995, 7-44, 45-66, 67-83) не могут не беречь “белого честолюбия” любого исследователя, ибо в них рассматриваются вопросы, которые с полным правом могут быть охарактеризованы как *мегасущностные*. Попробую их перечислить: 1) происхождение (возникновение) языка и его функции, 2) операциональная структура сознания, 3) техническая и идеологическая семантика, 4) идеосемантика и вторичные знаковые системы. Обсуждение этих вопросов ведется автором статей не в жест-

ко последовательной форме, ибо они взаимоувязаны, что и позволяет Василию Ивановичу Абаеву вносить в каждой статье дополнительные оттенки в истолкование того, что можно было бы назвать *идеозидологией* и *идеологосологией*, ориентированных на изучение процесса существования ЧЕЛОВЕКА и его ЯЗЫКА.

2. По мнению В.И. Абаева, возникновение языка следует связывать с теми сигнальными движениями, которые К.Лоренц и Н.Тинберген называют *релизерами* (см. по этому поводу: Тинберген, 1993, 82-88, 121-122), причем особую роль в этом процессе играли *звуковые релизеры* (и авторелизеры), позволявшие

точнее и четче отделять своих от чужих, служить "...опознавательными знаками отдельных коллективов, объективированным самосознанием и самоутверждением" (Абаев, 1955, 12). В свою очередь, переход от инстинктивных релизеров к неинстинктивным следует рассматривать как "...переход от биологически детерминированных сигналов к социально детерминированным символам" (там же, 13). Другими словами, человеческий протоязык – релизер являлся не чем иным, как совокупностью звучания и значения, "выполняющих" охранительную, аксиологическую и этнодемаркационную функции (там же, 13-14), но в опосредованной/символической (зателесно пролонгированной) форме. И даже фонологический строй этого языка был изначально социофонологичен (там же, 23).

2.1. Не оспаривая этих положений В.И.Абаева, сделаем все же несколько уточнений. Он полагает, что "язык родился не из потребности давать вещам названия, а из потребности относить вещи к своему коллективу, накладывать на них свое "тавро" (там же, 10), но, по видимому, не менее важно и другой – бегство от метафизического и психологического одиночества: "Стремление к взаимной близости, - отмечает Ф.Фромм – Рейхман, - сохраняется у каждого человека, который бы не боялся его потерять...<...>... и Фрейд, и Фромм-Рейхман согласны с философом Фихте, который в свое время рассуждал о том, что "Я" сначала сознательно устанавливает себя, но не осознает себя как такое, оно сознательно не рефлексивно. Затем "Я" логически или хронологически констатирует "не-Я", "другое-Я" "как условие своего собственного бытия, своего собственного самосознающего (рефлексивного) сознания. Позже, у Гегеля, "другой", взаимообуславливающий "Я", сам по себе предстает сознанием <...> "Я" затем взаимообуславливается другими сознательными "Я", и уже невозможно быть самосознающим без других самосознающих или социальных, "Я" <...>

Сознание "Я" возможно только при существовании других самосознаний" (Лабиринты одиночества, 1989, 67).

Вряд ли так же можно согласиться и с тем, что "звуковые комплексы принципиально нового значения" (там же, 11-12), или опознавательные знаки отдельных коллективов стали нести "уже не биологическую, а социальную службу", ибо "биологическая эволюция завершилась, началась социальная эволюция" (там же, 12). Конечно, она началась и продолжается (см. в связи с этим: Тоффлер, 1997), но связи между ней и биологической эволюцией все же сохраняются: "...сенсорные сигналы, часто весьма обрывочные и неполные, определенным образом структурируются и интерпретируются внутренними структурами, создаваемыми для этих целей когнитивной системой человека. Формирование и функционирование этих структур направляется генами" (Эволюционная эпистемология..., 1996, 28-29). Иначе говоря, ЯЗЫК и ЧЕЛОВЕК являются коэволюционными величинами, подчиняющимися эпигенетическим правилам (там же, 24-26, 174-179).

Выбирая "предметно-значимую лексику" (Абаев, 1995, 11) все существа и предметы в праязыке-релизере делились "на социально-активные (класс личностей) и социально-пассивные (класс вещей)" (там же, 39), Василий Иванович Абаев не приводит доказательств в пользу реальности существования такой "классификации" и – самое главное – не предусматривает возможности обсуждения иного решения, согласно которому "язык начинался не со слов, а с предложений" (Донских, 1988, 94; см. также : Донских, 1984), "...со сложных звуковых комплексов, которые постепенно обособлялись и упрощались" (там же, 120), подчиняясь ПЛАНам речепорождения и речевосприятия: "...мы воспринимаем то, что лежит за самим звуковым потоком, - план его построения. Следовательно, восприятие речи – не восприятие звуков,

а замысла некоторых очень тонких действий” (там же, 172).

В.И.Абаев полагает, что “лексика и грамматика и генетически, и функционально – разные вещи. <...> В лексике выступает на первый план познавательный аспект языка, в грамматике – коммуникативно-технический. <...> Грамматика – это социально отработанные приемы организации языкового материала для коммуникативных целей. Поскольку эта отработка происходила постепенно, на базе уже существующего лексического материала, лексика и хронологически предшествует грамматике” (Абаев, 1995, 11), хотя не менее допустима (и хорошо защищена аргументами) противоположная точка зрения О.А.Донских: “Я верно понял, что по-твоему, синтаксис формируется раньше фонетики? Да, я думаю, что синтаксис возникает тогда же, когда появляются правильные стандартные орудия (250-300 тысяч лет назад), а фонетика – не раньше сотни тысяч лет назад. Она складывается как сопровождение действий, оформленных синтаксически” (Донских, 1988, 174). И еще одна цитата: “Современный приверженец жестовой теории происхождения языка Г. Хьюз видит аналогию между рабочими программами производства стандартных орудий и синтаксическими структурами человеческого языка. И, я думаю, он прав, <...> Хьюз считает, что сложные серии точно выполняемых ручных актов и речевых актов имеют, по сути дела, одно основание – способность запомнить и координировано выполнить длинный ряд действий” (там же, 153-154). Показательно также, что к характерным признакам протоязыка-релизера Ф. Кликс относит редупликацию, “относительную многозначность”, полифункциональность составляющих этот язык/речь единиц, малочисленность родовых понятий (Кликс, 1983, 108).

Наша проблемная ситуация еще более усложнится, если учитывать точку зрения Горелова (а она также хорошо защищена и экспериментальными фактами,

и индуктивно-дедуктивными рассуждениями), согласно которой сложные звуковые комплексы являлись (и являются, хотя и в редуцированном виде) не только “звуковыми”, но и “незвуковыми”, состояли из вербальных и невербальных компонентов (фонационных, мимико-жестовых и пантомимических и смешанных), взаимосвязанных и взаимодействующих (Горелов, 1980, 75; см. также: Горелов, Енгальчев, 1991). И особенно важна мысль Горелова о том, что в акте коммуникации невербальные компоненты реализуются (“развертываются”) раньше вербальных. Ф. Кликс также утверждает, что в протоязыке-релизе “звуковые выражения частично включены в жестикуляцию и мимику. Они зависят во времени от указаний и демонстрирующих пояснений, что доказывает недостаточную дифференцированность этих выражений для передачи всей имевшейся информации. <...> звуковые образования тесно связаны с ситуацией, эмоциями и наглядными особенностями описываемого сценария. <...> высказывание строится как хронологически точная последовательность сцен, какими они предстают с точки зрения действующего лица. Слова сопровождают развертывание конкретных этапов действия, синтаксические средства организации высказывания еще так слабы (ср. противоположную точку зрения О.А. Донских – Ю.С.), что не позволяют выходить за рамки реального масштаба времени. Короче, речевые конструкты еще не имеют иерархического строения. <...> Слова насыщены наглядными аналогиями (Кликс, 1983, 108). Иначе говоря, составляющие языка-релизера суть синкретические (и может быть, синестезические комплексы, суть симультанная целостность логико-вербальных и образ символических единиц.

3. Сознание рассматривается В.И. Абаевым как сумма трех операций: селекции, обобщения и классификации. Оно орудийно (практично) и оппозитивно (“только ... групповые или классные

оппозиции могли ориентировать человека в окружающем мире...” (Абаев, 1995, 36)). Лексико-семантическая система того или иного языка – это “копия” “своеобразия исторической жизни каждого народа” (там же, 31), а сознание суть способ аранжировки предметно-значимых форм в соответствии с тем или иным этническим миропониманием (этническим смыслом) (см. в связи с этим: Радченко, 1997). По-видимому, именно такой ракурс в рассмотрении феномена сознания и принимает и не принимает Василий Иванович Абаев, ища в сопоставляемых лексико-семантических единицах, скорее инвариантное (обобщающее, чем вариантное) специфическое, фиксируя свое внимание преимущественно на вербальных, чем на невербальных предметно-значимых формах (поведения), хотя именно они, как выясняется (см., например: Майол, Милстед, 1999), во многом специфицируют процессы селекции, обобщения и классификации, позволяя говорить о реальности существования признаков, характеризующих ориентальное и европейское сознание (см. в связи с этим: Сорокин, 1994, 1998). Конечно, “сознание как отношение к миру психологически раскрывается перед нами именно как система слов, а особенности его строения как особенности отношения смыслов и значений. Развитие смыслов – это продукт развития мотивов деятельности; развитие же самих мотивов деятельности определяется развитием реальных отношений человека к миру... Сознание как отношение – это и есть смысл, какой имеет для человека действительность, отражающаяся в его сознании” (Леонтьев, 1975, 280). С этим можно согласиться, но с одной поправкой: сознание есть *этническое (этносическое)* отношение к миру, система этических (этносических) смыслов и отношений их и значений.

4. С учетом вышеизложенного рассмотрим понимание В.И. Абаевым идеосемантики. Несколько цитат: 1) “По свойствам нашего сознания... никакое явление или отношение, воспринятое в

опыте, не остается изолированным. В процессе осознания-наречения оно вводится в систему ранее осознанных связей и отношений и таким образом занимает в ней свое место. Это место определяется, во-первых, тем, с какими другими явлениями объединяется, сближается данное явление (социативные связи); во-вторых, тем, каким другим явлениям оно противопоставляется (оппозитивные связи). Совокупность этих двояких отношений в составляет то, что мы называем идеосемантикой слова” (Абаев, 1995, 37; идеосемантика есть также и “историческая семасиология”, см.: Абаев, 1995, 67); 2) “...существуют две семантики – семантика изолированных, технических значений – техническая семантика, и семантика генезиса и взаимосвязи значений – идеологическая семантика”; 3) “...относительно каждого элемента речи, каждого речевого акта у нас может встать два вопроса: что выражается этим элементом, и как, каким способом оно выражается. Техническая семантика отвечает на первый вопрос, идеологическая – на второй” (Абаев, 1995, 45, 46).

ПРИМЕЧАНИЕ: Наряду с идеосемантикой допустимо, по-видимому, и существование *идеоморфологии* и *идеосинтактики*. См., например, две работы, свидетельствующие в пользу такого предположения: И.А.Стернин. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979 г.; Интерференция в русской речи казахов. Алма-Ата, 1988 г.).

“Большую семантику” (идеосемантику/”внутреннюю форму”); см. в связи с этим: Радченко, 1997, 263-276) и “малую семантику” (Абаев, 1995, 68) можно уподобить двум ручьям, один из которых, “большой”, постоянно оскудевает, а другой “малый”, постоянно наполняется. Или, как говорит В.И. Абаев, “на смену идеологии, выраженной в самом языке (как идеологической системе), приходит идеология, выраженная с помощью языка как коммуникативной системы” (Абаев, 1995, 53-54). Замену идеологической системы техникой общения (там же, 53) Ва-

сий Иванovich Абаев не связывает с “потребностью дать грамматической структуре непосредственное и адекватное отражение новых форм мышления и мировоззрения в противовес прежним. В процессах технизации, если к ним внимательно присмотреться, сказывается больше незаинтересованность в старой идеологии, чем заинтересованность в какой-то новой. Эти процессы знаменуют не переход от одной логической системы к другой, а отказ от использования грамматики в качестве средства выражения той или иной общественной идеологии как логической системы” (там же, 60). Но, по-видимому, не только грамматики, как об этом свидетельствует, например, работа С.Г. Васильевой, изучавшей “смешанную речь” и выяснившей, что ее характер зависит и от грамматического фильтра русского языка” (он “...ограничивает возможность широкой вербализации лексем татарского языка без ущерба для их агглютинативной фоноорганизации”) (Васильева, 1999, 35) и от грамматической проницаемости татарского языка (“...такое свойство его типологической организации, которое в процессе речепорождения обуславливает широкую возможность вербализации лексем русского языка без нарушения грамматических правил структурирования татароязычной речи”) (там же). Иными словами, эти процессы позволяют рассматривать как процессы замены одних ассоциативно-семантических слоев другими (а может быть, и обмена ими), позволяющими судить о степени усталости татарской и русской идеосемантик.

ПРИМЕЧАНИЕ: О принципиальной возможности или невозможности такого обмена (о доводах “за” и “против”) позволяет судить, например, работа Д.Б. Гудкова (Гудков, 1999), в которой прецедентные имена, функционирующие в русском лингвокультурном сообществе, рассматриваются, говоря словами В.И. Абаева, в качестве таких совокупностей, которые являются и симпатически-

ми (и для носителей русского языка), и оппозиционными/антагонистическими (и для тех, и для других).

Идеосемантика есть, видимо, то, что Дж. Гибсон (Гибсон, 1988, 173-176, 292-295) называет видимым полем (эгорецепцией и экстероцепцией), есть когнитивно-когнитивная и аффективно-эмотивная диспаратная фокусировка видимого мира как вербально-невербального двуединства.

4. Если это так, то отношение В.И. Абаева к поэзии и прозе (об их статусе см.: Золян 1991, Мамардашвили 1995, Якобсон 1987), а также ко всем другим вторичным знаковым системам (см. в связи с этим: Семиотика, 1983) оказывается вдвойне справедливым. И, может быть, наступит и такое время, когда мы будем спорить о целях и задачах идеосемантического переводоведения и идеосемантической идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание. - Владикавказ, 1995. - Т. 2.

Васильева С.Г. Разноязычие (“смешанная речь”): диалектика явления и сущности. - Казань, 1999.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. - М., 1999.

Горелов И.Н. Невербальные аспекты коммуникации. - М., 1980.

Горелов И.Н., Енгальчев В. Безмолвный мысли знак. Рассказы о невербальной коммуникации. - М., 1991.

Гудков Д.Б., Прецедентное имя и проблемы прецедентности. - М., 1999.

Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. - Новосибирск, 1984.

Донских О.А. К истокам языка. - Новосибирск, 1988.

Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. - Ереван, 1991.

Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. - М., 1983.

Лабиринты одиночества. - М., 1989.

Леонтьев А.Н. Деятельность, Сознание. Личность. - М., 1975.

Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. - М., 1999.

Мамардашвили М. Лекции о Прусте. - М., 1995.

Радченко О.А. Язык как созидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. - М., 1997.

Семиотика. - М., 1998.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). - Самара, 1994.

Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихоллингвистику. - Ульяновск, 1998.

Тинберген Н. Социальное поведение животных. - М., 1993.

Тоффлер А. Футурошок. - СПб., 1997.

Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. - М., 1996.

Якобсон Р. Работы по поэтике. - М., 1987.

К.Г. Красухин

МЕСТОИМЕНИЕ *IO: ЕГО ГЕНЕЗИС И ФУНКЦИЯ

Вопрос о происхождении этого местоимения достаточно актуален и по сей день. Как известно, именно с ним связан первый опыт синтаксической реконструкции, предпринятый Б. Дельбрюком (Delbrück 1888): единственный синтаксический элемент, действительно проецируемый на праязыковой уровень — это местоимение *io, образующее относительные предложения в греческом, индоиранском и отчасти славянском. Другое местоимение с подобной функцией, распространённое в западных языках - *k^ue/o - образует также вопросительные предложения, что допускает предположение о вторичности его релятивной функции. Впрочем, в балтийских языках, наиболее родственных славянским, относительные местоимения образуются от основы k-: в литовском - относительное местоимение *kuris, kãtras* “который”, *këli* “сколько”, *kadà* “когда” и т.д. Языки с релятивом *io- объединяются друг с другом и на некоторых иных основаниях. Существуют и ещё изоглоссы, связывающие балто-славянские (особенно славянские) и индоиранские языки (сатэмность, наличие сигматических времён), которые позволяют предположить для них наличие общей диалектной зоны, в которой могли формироваться эти изоглоссы, в том числе релятив *io-. Вместе с этим отсутствие такого относительного местоимения в балтийских и слабая представленность в гер-

манском заставляет искать центр этого изоглоссного явления именно на стыке славянской и индоиранской языковых зон. Допустимо предположить здесь и одну из многих славяно-иранских изоглосс (ср. Абаев 1965; Мартынов 1983).

Впрочем, вопрос о первичности/вторичности функции любого местоимения требует специального рассмотрения. Прежде всего надо учесть, что в индоевропейских языках относительные предложения могут маркироваться также и нестандартными для данного языка релятивами: в готском находим союз условного предложения *jabai* “если”, который естественно сравнить с др.-инд. *yëbhis* “которыми” (инструменталь), *yëbhyas* “которых” (датель)¹; в славянских языках вместе с основой *u-* достаточно активна и основа *k-* (ц.-слав. **къто же** наряду с **иже**, также **кторъ**) в древнегреческом, по данным П. Монтейля, неопределенное местоимение *τις* может иногда употребляться в значении, близком к относительному: 'Αλλου δ' οὐ τευ οδα τευ αυ κλῶτα τεύχεα δῶω / ει μη Αίαντος γε σάκος Τελαμονίδαο (Ил. 18, 192) “я не знаю никого другого, чьи возьму доспехи, если не мешок Аякса Теламонида”. Здесь, конечно, имеет место повторение местоименной формы, указывающей на (неопределенное) имя владельца. Но показательно, что именно второе местоимение обозначает ранее упоминавшийся